

18+

Адам Базарский

Максимальный предел

<https://litres.ru/74013159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыреста двенадцать метров стекла и стали. Сорок дней голода. Восемь тысяч километров через пустыню, кишашую чудовищами. Макс Леонхард не герой. Он просто муж, который обещал вернуться к жене и детям. Когда мир превратился в ад, а люди — в зверей, у него осталось одно правило: не торгуюсь. Он спустится по медной веревке с небоскреба, перебьет банду каннибалов, вытащит из мясорубки чужих детей и доедет до Англии на одном обещании. Это сага о выживании без пощады и о любви, которая не спрашивает «зачем?» — она просто ждет. Конец света — только начало.

Содержание

Глава 1. Волчья яма	4
Глава 2. Ягодица	17
Глава 3. Полигон	39
Глава 4. Пандемия	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Максимальный предел

Глава 1. Волчья яма

Макс свернул на пустое шоссе и сбавил скорость. Пальцы разжались, оставив на руле влажные следы. Батарея держала заряд, но тело требовало отдыха. Веки налились свинцом. Если не остановиться, он уснет за рулем и уйдет в кювет или в лобовую встречного грузовика, который уже никогда не появится.

Машина встала на обочине. «Альба» предупредила о снижении заряда автопилота, но Макс заглушил двигатель. В ушах зазвенело высокочастотный писк абсолютной тишины. Он откинулся в кресле, чувствуя, как хрустят позвонки. Вдох. Выдох. Запах пота, старой кожи и остатков резиновой брони, которую он так и не снял. Он закрыл глаза и увидел Оливию, детей. Где-то далеко, за морями и мертвыми землями, они ждут. И он успеет. Должен успеть.

Стук костяшками по стеклу прозвучал резко. Макс дернулся, рука метнулась к молотку на пассажирском сиденье. За окном, в паре сантиметров от стекла, стояла девушка. Грязное лицо, слипшиеся волосы, разбитая губа. Глаза ши-

роко распахнуты. Она часто дышала ртом, оставляя на стекле мутные пятна.

— Подвези меня... пожалуйста... Я все сделаю... Хочешь, я тебе отсосу? Впусти!

Он смотрел на нее полсекунды. Красивое лицо портила не грязь, а фальшивая мольба, искривившая губы. Глаза бегали, ощупывали машину, замок на двери. Правая рука нервно сжималась, левая оставалась за спиной. Он заметил это, потому что привык замечать. Приманка? Или просто дура. В голосе не было нужды — только отчаяние, натренированное до автоматизма.

Макс нажал на педаль. Электромотор взвыл, гравий брызнул из-под колес. Девушка отшатнулась, выкрикнула что-то вслед. В зеркале заднего вида он увидел, как она плюнула в пыль и сделала резкий жест рукой, а через секунду исчезла в мареве. Он выдохнул и разжал челюсти. Интуиция шепнула: «Правильно». И он поехал дальше.

Солнце скатилось к горизонту, окрасив пустыню в оттенки запекшейся крови. Макс вглядывался в дорогу, когда впереди, у съезда на грунтовку, заметил пикап. Почти новый Toyota Hilux, матово-серый, без единой царапины, с поднятым капотом. Рядом сустились двое: сгорбленный старик с

коротко стриженными седыми волосами и гладко выбритым лицом, в чистой рубашке навыпуск, и старуха в выцветшем платке. Она махала ему, и движения ее были суетливыми, беззащитными. Старик опирался о крыло и смотрел в двигатель, как на покойника.

Внутри Макса что-то кольнуло. Не жалость — скорее, остаток привычки оценивать. Им за семьдесят. У одного палка. У старухи жидкие седые космы, выбившиеся из-под платка. Они не выглядели угрозой. «Если брошу, сдохнут», — мелькнула мысль. И желание поступить по-человечески заставило его свернуть.

— Заглохли, сынок, — прошамкал старик, когда Макс вышел из машины. Молоток остался в салоне — из усталости, притупившей инстинкты. — Аккумулятор сел, кажись. Глянь, будь добр.

Макс наклонился к капоту. В этот момент сзади, слева, справа, словно из-под земли, выросли тени.

Он почувствовал их раньше, чем увидел — резкий запах пота, дешевого табака и густого звериного мускуса. Запах немых тел, и перегара. Кто-то грубо дернул его за плечи, и прежде чем он успел среагировать, в затылок прилетело что-то тяжелое. Череп взорвался болью, перед глазами полыхну-

ло белым, и мир провалился в пустоту.

Сознание возвращалось толчками. Сначала — запах. Дым костра, горелое мясо, самогон, немытые тела и сладковатая нотка разложения. Потом — звуки. Грубый смех, звон бутылок, треск огня и чей-то сдавленный всхлип. Макс не открывал глаз. Тело ныло, руки вывернуты за спину и стянуты пластиковыми стяжками, врезавшимися в запястья. Ноги тоже связаны. Он лежал на боку, щекой в пыли, и дышал мелко, ровно — имитация глубокой отключки.

Рядом раздавался хриплый, каркающий голос, от которого веяло холодом и властью:

— Все вынесли. Воды — залейся, консервов — на месяц жрать. И ствол у него, «калаш» корпоративный, с цевьем новым. Этот фраер явно не простой бродяга.

— А тачка? — спросил второй голос, низкий, утробный. — Не заводится. Он ее, наверно, на свой чип заблокировал. Может, пальцы емуотрежем и к кнопке?

— Не поможет, — прошипел первый. — Ты, Череп, башкой думай, а не жопой. У них там биометрия, глазная хреновень. Не заведем без него. Посадим его на цепь, пусть водилой работает. А не захочет — будем резать по кусочку, пока не согласится.

Макс мысленно выдохнул. Машина цела. Снаряжение выпотрошили, но без него джип — груда металла. Значит, убивать сразу не станут. Или станут, когда поймут, что он бесполезен.

Он приоткрыл веки. Поляна у дома на колесах — трейлера, облепленного грязью. Четыре машины, включая его SUV, стояли полукругом. В центре — костер, решетка с шампурами, от которых тянуло паленым мясом. Ящики с водкой. Двустволки, прислоненные к колесам. И люди. Много. Он насчитал десять, прежде чем понял, что ошибся — кто-то спал в тени трейлера, кто-то сидел, уставившись в огонь.

Старик и старуха были здесь. Старик снял рубашку, обнажив дряблое тело, и резал хлеб на ящике. Старуха пила из горла, сморкаясь в пыль. Остальные — лет пятидесяти и старше. Банда стариков. Но не они были главными.

Главный сидел на перевернутом ящике спиной к Максy. Худой, жилистый, с коротким седым ежиком. Даже в сидячем положении он держался как хозяин — плечи расправлены, голова чуть наклонена вперед, будто он постоянно к чему-то принюхивался. Радек. Макс еще не знал его имени, но уже чувствовал исходящую от него угрозу — холодную, расчетливую, как у старого паука в центре паутины.

Рядом возвышалась гора мышц — Череп. Широкий, с бычьей шеей и голубыми глазами. Его лицо было тупым и жестоким, а руки, помешивавшие угли в костре, покрыты старой кровью. Чуть поодаль держались еще трое — Сыч, нервный, дерганый, с бегающими глазами; Костыль, припадающий на левую ногу, с лицом, изуродованным загнанным кулаком в череп носом; и Рваный, чье лицо пересекал безобразный шрам от уха до подбородка. У всех была одна общая черта — кожа неестественно шелушилась, и покрывалась язвами.

А потом он услышал всхлип.

В тени трейлера, прямо на земле, лежала связанная девушка. Та самая, что подходила к машине. Грязные волосы разметались по лицу, одежда разорвана в клочья, грудь и бедра обнажены. Поза неестественная, тело сжато в комок. Она тихо, бессвязно что-то шептала, но в глазах, которые он успел поймать, не было ничего — только шок. Глубокий, черный, как колодец.

Макс похолодел. Ее уже насиловали. И судя по тому, как Череп, облизнув губы, неторопливо поднялся и пошел к ней, еще не закончили.

— Череп, не все тебе, — бросил Радек, не оборачиваясь.
— Дай и другим потешиться. Сыч еще не пробовал.

Сыч, нервно хихикнув, тоже поднялся. Вдвоем они нависли над девушкой. Макс закрыл глаза. Сдавленный плач, хриплый стон, ритмичные шлепки, смешавшиеся с треском костра. Внутри разрасталось что-то твердое, тяжелое. Обещание. Я вас всех убью безжалости.

Голоса зазвучали снова, ближе. Череп, натешившись, вернулся к костру, и теперь они с Радеком и Рваным стояли в паре шагов от Макса и смотрели на него. Макс не шевелился.

— Сперва я его в жопу отдеру, — бубнил Череп похотливо, с предвкушением. — А потом глотку перережу. Но пусть сперва очнется, хочу, чтоб он прочувствовал.

Рваный хмыкнул, харкнул в костер:

— Опять ты, Череп, глину месить хочешь. Лучше бы водки пожрал, чем над мужиком трястись. Поганый ты гомосек.

— Я люблю, когда орут, — добавил Череп и отвернулся к костру.

Макс не стал ждать.

Скованные ступни дернулись вверх и дважды ударили пятками в сухую землю. Тук-тук. Сухой, негромкий звук, слившийся с треском костра. В каблуках спецназовских ботинок что-то щелкнуло. Из пятки левого ботинка выскользнул стальной шип, узкий, загнутый назад, острый как скальпель.

Он повернул запястья, нащупал стяжку и повел пластиком по лезвию. Один резкий рывок — и стяжка лопнула. Руки освободились. Кровь хлынула обратно, онемевшие пальцы закололо тысячей иголок. Макс подавил стон. Перекатился на бок, скрывая движения за собственным телом, и тем же шипом перерезал стяжки на ногах.

Никто не обернулся. Водка лилась в глотки.

Макс поднялся одним плавным движением — без рывков, без шума. Мышцы ныли, но адреналин заглушал все.

Первым был Череп. Он стоял к Максусу спиной в трех шагах, поднося ко рту бутылку. Макс шагнул вперед и вложил всю массу тела в удар с разворота пяткой ботинка прямо в висок. Влажный хруст. Череп рухнул мешком, даже не вскрикнув — его туша просто обмякла и повалилась на землю, подняв облачко пыли. Бутылка покатила по земле, раз-

ливая остатки мутной жидкости.

Рваный начал оборачиваться. Его глаза расширились, рука дернулась к поясу — за ремнем торчал нож. Но Макс уже сместился. Носок ботинка врезался Рваному в промежность — низко, с проносом. Рваный сложился пополам, издав сдавленный вой, и рухнул на колени. Нож звякнул об землю. Макс добавил коленом в лицо. Хрустнул нос, брызнула кровь, и Рваный опрокинулся на спину.

Макс метнулся к пикапу, где в кузове грудой лежало его снаряжение. Автомат лежал сверху. Схватил, рванул затвор. Выдернул снаряженный рожок.

Сзади хлопнул выстрел.

Пуля взвизгнула о борт пикапа в сантиметре от плеча. Макс загнал магазин в приемник, передернул затвор. Перекат влево, за ржавую железную бочку у трейлера. Еще выстрел — дробь ударила в бочку, загнуло, но не пробило.

Он выглянул. Стрелок — щуплый мужик в кепке, один из стариков — целился из двустволки. Руки тряслись, ствол ходил ходуном. Макс выдохнул и нажал спуск. Короткая очередь. Первый патрон ушел выше, срикошетив от стены трейлера, но второй попал стрелку в грудь, третий — в плечо.

Мужика отбросило на капот машины. Он сполз, оставляя на металле широкую красную полосу.

Теперь — Радек. Главный уже соскочил с ящика и что-то заорал своим, выхватывая из-за пояса пистолет. Макс опередил. Короткая очередь прошила воздух там, где Радек стоял мгновение назад, — но старый паук уже нырнул за остов трейлера, и пули выбили щепу из стены.

Поляна взорвалась хаосом.

Остальные бросились врассыпную. Кто-то орал, кто-то пытался дотянуться до оружия. Старуха завизжала и побежала в темноту. Сыч, выронив штаны, метнулся к двустволке у колеса. Костыль тащил из кузова обрез.

Макс выкатился из-за бочки и поймал Сыча на бегу. Одиночный выстрел в затылок — фонтан брызг и осколков. Тело опрокинулось навзничь.

Костыль успел вскинуть обрез. Грохнул выстрел, дробь просвистела над головой Макса, обдав ветром и пороховой гарью. Макс сместился влево, вскинул автомат. Два выстрела в корпус. Костыля швырнуло назад, обрез вылетел из рук.

Старуха все еще бежала, продираясь сквозь кусты. Макс

поймал ее в прицел. Выстрел. Она вскрикнула и повалилась лицом в костер. Искры взметнулись в небо.

Старик — тот, что прикидывался мирным, — пытался уползти за пикап. Одиночный выстрел в спину. Он дернулся и замер, уткнувшись лицом в грязь.

Еще двое попытались контратаковать. Один — молодой парень с безумными глазами — кинулся на Макса с ножом. Макс встретил его прикладом в челюсть, потом выстрелил в упор. Второй пытался зайти с фланга, но споткнулся о тело Рваного, и Макс срезал его очередью.

Выстрел, выстрел, выстрел. Каждый завершал чью-то траекторию. В голове не было мыслей — только холодный расчет и ритм: прицелиться, выдохнуть, нажать. Крики стихали, превращаясь в хрипы и стоны, а потом и они сошли на нет.

Когда магазин опустел, Макс вставил новый и огляделся. На поляне лежали восемь тел. Двое еще дергались — пришлось выстрелить каждому в голову. Воздух пропитался порохом, кровью и запахом опорожнившихся кишечников. Тишина обрушилась резко, наполненная лишь потрескиванием костра.

Где Радек?

Макс двинулся вдоль трейлера, держа автомат наизготовку. Старый паук обнаружился за трейлером. Он стоял на коленях, прижимая руку к животу. Между пальцев сочилась кровь.

— Слышь, фраер... — прохрипел Радек, поднимая на Макса полные ненависти глаза. — Договоримся... У меня есть схроны... наркота, жрачка... Все твое...

Макс смотрел на него. Этот человек торговал людьми. Насиловал и убивал. Кошмарил зеков, сдавал своих, натравливал отморожков на слабых. И теперь, стоя на коленях в луже собственной крови, пытался торговаться.

— Ты меня не понял, я не торгуюсь — сказал Макс тихо. — Мне не нужны твои схроны.

Он нажал на спуск. Пуля вошла Радеку в лоб. Тело опрокинулось навзничь, раскинув руки.

Макс опустил автомат. Пот стекал по лицу, в ушах гудело. Он обвел взглядом бойню и почувствовал, как в груди поднимается странное, почти забытое чувство — удовлетворение. Чистое, как глоток воды после долгой жажды. Он улыбнулся краем губ — раз, другой — и не узнал эту улыбку. Она

была чужой, но приятной.

Он подошел к девушке. Она лежала неподвижно, глаза открыты в небо. Пульса не было. Он закрыл ей веки и выпрямился. Ее смерть ничего не меняла. Он уже отомстил за нее — если это можно было назвать мстью.

В куче барахла у трейлера он нашел смартфон с треснувшим экраном. Запустив приложение, определил местоположение джипа. Тот стоял в полусотне метров за деревьями — целый. Он подогнал его, перегрузил воду, консервы, оружие. Двустволки и патроны тоже прихватил. Тела трогать не стал.

Макс сел в джип, захлопнул дверцу. Запах старой кожи и оружейной смазки показался родным. Он завел двигатель, выехал на шоссе и нажал педаль до упора. Впереди лежали пустые земли, опасность, неизвестность. Но внутри не осталось страха.

Глава 2. Ягодица

Стеклянный шпиль «Азимут-Тауэр» вонзался в небо Дубая на четыреста двенадцать метров. Сто этажей стали, бетона и зеркальных панелей, которые в августовский полдень отражали солнце так, что птицы меняли траекторию, не долетая до здания. Внутри работали юридические фирмы, инвестиционные фонды, страховые агентства, три ресторана, один подпольный покерный клуб, о котором все знали, и фармацевтическая корпорация «Небула», арендовавшая пять верхних уровней.

Девяносто девятый и сотый этажи не значились в планах эвакуации для обычного персонала. Туда вела отдельная лифтовая шахта с биометрическими сканерами, а за герметичными дверями, в темноте и холоде, работали серверные фермы искусственного интеллекта «Альба». Тысячи процессоров перемальывали данные, и гул стоял такой низкий и ровный, что на девяносто восьмом этаже в тихий час можно было приложить ладонь к полу и почувствовать вибрацию — дыхание спящего зверя, который никогда не спит.

Леонхард Макс занимал кабинет на девяносто шестом этаже. Три монитора на подвижных кронштейнах, голографическая панель в столе, эргономичное кресло и панорамное

окно на юго-запад. В ясные дни, когда пыльная взвесь оседала, можно было разглядеть край Аравийской пустыни — рыжую полосу на горизонте, напоминание о том, что весь этот город стоит на песке.

На столе — белая кружка с надписью «World's Okayest Analyst». Подарок Оливии на сорокалетие. Еще — планшет, стопка бумажных отчетов, которые никто не читал, но все распечатывали по привычке, и рамка с фотографией: четверо детей на пляже Джумейра, все в песке.

Часы показывали 15:47. Макс отхлебнул американо и поморщился — кофе остыл до температуры, которую он называл «разочарование в чашке».

— Альба, сводку по азиатским торгам за последние два часа.

Голос «Альбы» раздался из динамиков — мягкий, женский, на грани между живой речью и синтезом. Оливия, услышав его впервые, заметила: «Она говорит как моя двоюродная бабушка Эдит, которая служила в Женском вспомогательном корпусе. Бабушка еще добавляла "милочка" в конце каждой фразы. Но "Альба" молодец — держится без панибратства».

— Аналитик Макс, фармацевтический сектор Азиатско-Тихоокеанского региона показывает рост на ноль-восемь процента относительно утреннего открытия. Ключевой драйвер — объявление о начале третьей фазы клинических испытаний препарата «Небула-Нейро» в Сингапуре. Токийская биржа: акции «Небула-Биотех» прибавили три и две десятых процента. Три крупных пакета сменили владельцев в течение последнего часа, что нетипично для данного окна. Вероятность коррекции — шестьдесят четыре процента к закрытию токийской сессии. Хотите полную выкладку по конкурентному ландшафту?

— Нет, спасибо. Что по Европе?

— Лондонская биржа: портфель «Небулы» в плюсе на ноль-три процента. Франкфурт: снижение на ноль-один, связанное с общей волатильностью индекса. Препарат «Небула-Ти» получил окончательное одобрение Европейского медицинского агентства. Рынок реагирует сдержанно, ожидая данные по производственной себестоимости. Прогноз — умеренный рост котировок в течение семи дней. Бразильский регулятор запросил дополнительную документацию по «Кардио экстремо». Задержка на четыре-шесть недель. При наихудшем сценарии — снижение выручки латиноамериканского подразделения на два и семь десятых процента. Я подготовила проект меморандума.

— Ты сегодня расторопна.

— Я всегда расторопна, аналитик Макс. Мои алгоритмы не предусматривают перерывов на кофе.

Макс хмыкнул и отключил голосовой канал. Он откинулся в кресле, закрыл глаза, и через несколько секунд Дубай исчез.

Сентябрь в регионе Отаго — время, когда небо над Южным островом Новой Зеландии затягивает серой пеленой на недели. Дождь висит в воздухе мелкой водяной взвесью, оседая на одежде, стволах винтовок, брезентовых тентах полигона. Ветер с Тасманова моря забирается под воротник. Температура — десять градусов, но из-за влажности ощущается как пять.

Макс стоит на краю грязевого поля. Ему двадцать пять. На нем полевая форма «Небулы» с укрепленными наколенниками. Поза — спина прямая, подбородок приподнят, манера, перенятая у первого инструктора. Перед ним группа из шестнадцати новобранцев. Третий день полевой подготовки. Сегодня — полоса препятствий.

— Харрис! Ты переползаешь эту стену или обнимаешь ее

на прощание? Я вижу статический объект, который пытается слиться с бетоном!

Харрис — рыжий, веснушчатый парень из Мельбурна — переваливается через бетонный блок и падает лицом в грязь. Поднимается, отплевывается.

— Харрис, у тебя есть девушка?

— Есть, сэр! Эмили!

— Когда вернешься домой, попроси у нее прощения. Заранее. С такой техникой ты до двери ее квартиры не добьешься. Ты дойдешь. Пешком. Медленно. Встать! Еще раз!

Харрис встает и бежит обратно. Группа за спиной Макса издает сдавленные звуки.

— Чэнь! Ты висишь на канате, как мокрое полотенце! Ноги! Работай ногами! Представь, что канат — это твой экзаменатор, и ты хочешь его задушить!

Чэнь из Сингапура зацепляется ногами и начинает двигаться. Слишком медленно, но лучше, чем утром. Макс отмечает это про себя, но не говорит вслух. На третий день нужно требовать.

Он знает их всех по именам. Это его личное правило: если учишь людей выживать, ты должен знать, кого именно учишь.

Дождь усиливается. Через двадцать минут — обед. Потом — тактическая медицина. А после — главное упражнение: эвакуация раненого под огнем условного противника. Роль раненого по плану отводилась ему. Он любил эту роль. Можно лежать с закрытыми глазами и слушать, как курсанты пыhtят, таская носилки.

В четырнадцать ноль-ноль началась эвакуация.

Макс лег на землю в двадцати метрах от взлетно-посадочной площадки. Легенда учений: осколочное ранение ноги, проникающее ранение грудной клетки, сознание спутанное. Он закрыл глаза. Звук двигателей изменился. Конвертоплан S-37 «Мангуст» заходил на посадку. Винты развернулись в вертикальное положение, гул стал ниже. Аппарель опустилась.

Двое выбежали наружу.

Первый — Маркус Дейн, штатный медбрат. Коренастый, с руками, как две кувалды, и лицом человека, который не

высыпается с тех пор, как поступил на службу. Второй — пилот. Макс заметил только силуэт: невысокая, женская фигура, светлые волосы под летным шлемом.

— Давай носилки!

Они развернули конструкцию, зафиксировали Макса. Щелчки карабинов — быстро, сноровисто. Маркус взялся за ножной конец, пилот — за головной.

— На счет три! Раз! Два! Три!

Маркус рванул вверх на долю секунды раньше. Носилки качнулись. Тело Макса сместилось на несколько сантиметров. Его лицо проехалось по гладкой ткани летных брюк пилота и остановилось, упершись в округлую мягкость.

В женскую ягодицу.

Макс зажмурился. Он чувствовал тепло тела сквозь тонкую ткань. Пилот недавно пила кофе. Ситуация вышла за пределы учебного плана примерно на световые годы.

Пилот издала сдавленный звук. Сначала — на грани удивления. Потом звук сорвался в откровенный смех. Она смеялась, сотрясаясь от хохота, и носилки тряслись вместе с ней.

Маркус, осознав причину, фыркнул, а потом издал басовитый раскатистый хохот. И Макс, все еще прижатый лицом к ягодице пилота, засмеялся тоже.

— Прошу прощения! — выговорила пилот сквозь смех, когда они загрузили носилки в отсек. — Прошу прощения, инструктор!

Маркус утирал слезы рукавом. Макс открыл глаза и сел, расстегивая ремни.

Теперь он мог ее разглядеть.

На вид — девятнадцать, может, двадцать. Серо-зеленые глаза — редкий оттенок, как у воды в пасмурный день над Северным морем. Тонкий нос, чуть вздернутый кверху. Нижняя губа полнее верхней, на подбородке — едва заметная ямочка. Волосы пепельно-светлые, почти серебряные, выбились из-под шлема и прилипли ко лбу. Она смеялась, и глаза сузились в щелочки, а на щеках проступил румянец.

— Я категорически не виновата! — заявила она, поднимая руки. — Это Маркус! Он ноги первыми поднял и толкнул носилки вперед! Третий закон Ньютона: действие равно противодействию. Я жертва классической механики.

— Я?! — поперхнулся Маркус. — Ты за головной конец отвечала! Ты должна была подать команду!

— Команду подает старший по погрузке! А старший — ты! Ты медбрат, это твоя процедура! Моя задача — доставить борт. В протоколе я — ассистент. Ассистент не командует!

— Но синхронизация...

— Ты поднял свой конец раньше! Любой разумный человек, почувствовав, что носилки пошли вверх, продолжит подъем, а не будет стоять столбом! Это базовый моторный рефлекс!

Макс поднял ладонь.

— Прямо с козырей зашла. Ваше имя пилот.

Пилот все еще улыбалась — широко, открыто.

— Оливия Элизабет Роуз, сэр. Прикомандирована к базе «Отаго» на испытательный трехмесячный срок. Переведена из учебного центра в ОАЭ.

— Британия, полагаю?

— Так точно. Суррей. Гилдфорд, если быть географически точной. Это примерно в сорока пяти минутах езды от Лондона, если поездом с вокзала Ватерлоо.

— Я знаю, где Гилдфорд.

— Простите, сэр. Привычка уточнять. Отец работал в логистике, мать — картограф. В нашей семье координаты — это форма вежливости.

Макс разглядывал ее. Вся ее карьера зависела от того, как она покажет себя на этой базе, — а она только что въехала задом в лицо инструктору и хохочет над этим. Это требовало либо исключительной глупости, либо исключительной внутренней свободы.

— Только британка на моей памяти могла бы с таким достоинством выйти из ситуации, в которой ее ягодица стала точкой тактильного контакта с лицом старшего по званию.

Оливия моргнула. Пауза — крошечная, но достаточная для контратаки.

— Сэр, позвольте заметить: это была левая ягодица. С

анатомической точки зрения — субдоминантная сторона. Менее компрометирующая.

— Менее компрометирующая?

— Именно. Правая ягодица — сторона доминантная. Касание к ней могло бы быть истолковано как фамильярность. Левая — пассивная. Это просто стечение обстоятельств, форс-мажор. Любой офицер британской армии подтвердит. Левая сторона тела традиционно считается менее формальной. Если вы стоите в строю, то отдаете честь правой рукой. Левая остается в покое. Логика та же.

Макс смотрел на нее в упор. Она выдержала взгляд — не отводя глаз, но и не нагло, с той непринужденностью, которая выдает человека, привыкшего к диалогу на равных. Он рассмеялся. Громко, в голос, впервые за долгое время.

— Хорошо, пилот Роуз. Я прощу этот инцидент при одном условии.

— Сэр?

— Сегодня, восемнадцать ноль-ноль. Офицерская столовая. Кофе.

Она склонила голову к плечу.

— Это дисциплинарное взыскание под прикрытием, сэр?

— Это просьба человека, который только что познакомился с вашей левой ягодицей ближе, чем того требовала учебная программа.

— Резонно. Но должна предупредить: мои стандарты кофе высоки. Бабушка варила его настолько крепким, что чайная ложка стояла в чашке вертикально без опоры. Это не художественное преувеличение. Ложка. Вертикально. Физический факт.

— Я учту.

— И если кофе в офицерской столовой окажется подкрашенной водой с намеком на аромат, вам придется предоставить мне второй шанс. В городе. Где варят настоящий эспрессо.

— Договорились.

Маркус, наблюдавший за ними с выражением человека, видящего крушение поезда, попятился к выходу.

— Я пойду, сэр. Меня здесь не было. Я ничего не видел. Если кто-то спросит, я в медицинском модуле. Вскрываю ма-некены. Один. В полной тишине.

Он вышел. Дверь захлопнулась. Дождь барабанил по обшивке конвертоплана. Оливия сняла шлем окончательно и встряхнула волосами. Они рассыпались по плечам, мокрые на концах, в тусклом свете показались почти белыми.

— Я действительно не виновата, — сказала она без смеха. — Маркус поторопился. Я просто не успела синхронизироваться. Инерция сделала все остальное.

— Я видел. Я лежал с открытыми глазами.

— И вы все равно просите кофе.

— Я прошу кофе, потому что хочу провести время с человеком, который, оказавшись в идиотской ситуации, не провалился под землю, а засмеялся во весь голос.

— А вы умеете смеяться над собой?

— Учусь.

Она посмотрела на него — пристально, оценивающе, без

коккетства. Так смотрят на приборную панель перед взлетом.

— Хорошо, инструктор Макс. Я выпью с вами кофе. Но предупреждаю: я британка до мозга костей. Это значит, что я буду критиковать качество напитка, погоду, планировку вашего полигона и, скорее всего, вашу манеру отдавать команды. У нас это способ выражения симпатии.

— Я переживу.

Она улыбнулась — широко, открыто, с морщинками в уголках глаз.

— Тогда до восемнадцати ноль-ноль, сэр.

— До восемнадцати ноль-ноль, пилот Роуз.

Она ушла в кабину пилотов. Макс остался один. Дождь продолжал барабанить по крыше. Он сидел на носилках и смотрел на дверь, за которой скрылась Оливия Элизабет Роуз, девятнадцатилетняя британка из Гилдфорда, которая только что перевернула его представление о том, как может пройти обычный учебный день.

Кофе в офицерской столовой действительно оказался отвратительным. Оливия сделала глоток и изрекла:

— Это вкус разочарования. Если бы разочарование можно было дистиллировать и продавать в автоматах, оно продавалось бы именно здесь.

— Я знаю место в городе, — сказал Макс. — Завтра.

— Второй шанс. Заслужили. Помните про ложку?

— Помню. Ложка стоит вертикально.

— Вертикально. Без опоры. До сих пор не понимаю, как бабушка это делала. Подозреваю, что она добавляла в кофе цемент.

Они встретились на следующий день. Кофе был хорош. Разговор — еще лучше. Через неделю они встретились снова. Через три месяца они уже не представляли жизни друг без друга, а через полгода стояли в муниципалитете Данидина под ледяным ветром с Антарктики. Оливия была в белом платье, которое прислала мать, Макс — в парадной форме «Небулы». Оба продрогли до костей за те двадцать минут, что длилась церемония, но когда они вышли на крыльцо, Оливия сказала: «Освежающий бриз, правда?» Макс ответил: «Это чертов ураган. У меня зуб на зуб не попадает». Она рассмеялась и взяла его под руку. Так и пошли — в кафе

через дорогу, греться и строить планы.

Маркус Дейн был свидетелем. На маленьком ужине после церемонии он встал с бокалом и произнес:

— Я хочу сказать тост за Оливию и Макса. Единственную пару, чьи отношения начались с того, что он уткнулся лицом в ее зад. Это новый стандарт романтики. Корпорации «Небула» стоит запатентовать этот метод и внести его в учебное пособие. Раздел: «Нетрадиционные способы установления межличностных контактов в полевых условиях».

Гости смеялись. Оливия сияла. Макс чувствовал, как тепло разливается по телу.

Год спустя родилась дочь. Оливия настояла, чтобы роды принимала акушерка Мэри, пожилая шотландка с тремя тысячами младенцев за плечами, которая, по слухам, определяла пол ребенка по тому, как мать чихает. Макс стоял рядом, держал жену за руку и думал, что он, учивший других выживать в бою, совершенно не готов к происходящему в этой палате. Дочь закричала. Оливия, мокрая от пота, улыбнулась и сказала: «Ну вот. Еще один человек, который будет критиковать мой кофе».

Еще через два года — сын.

Потом пришел перевод в Дубай. «Небула» расширяла ана-

литический отдел корпорация росла, рынки усложнялись, и кто-то наверху решил что люди с полевым опытом должны обрабатывать данные, потому что цифры без контекста врут чаще, чем с контекстом. Макс прошел переподготовку — полгода вечерних курсов по финансовому анализу, сертификация, экзамен с третьей попытки. Оливия сказала: «Третья попытка — это стиль. Сразу сдать — скучно. А так есть что вспомнить». Он не спорил.

Дубай встретил их жарой. Макс вышел из аэропорта в июле впервые ступил на землю Аравийского полуострова. Сделал три шага и остановился. Воздух был плотным, как вата, пропитанная кипятком. Пот выступил мгновенно.

— Я сейчас растаю, — сообщил он Оливии. — От меня останется лужа в костюме. И лужа будет жаловаться на погоду.

Оливия, державшая на руках годовалого сына и второго ребенка огляделась:

— Не драматизируй. Это просто теплый день. В Дели сейчас еще хуже.

— дорогая мы не в Дели!

— Значит, тебе повезло. Пойдем, я хочу найти кофе. Настоящий. В этой стране должны уметь варить кофе они его изобрели, в конце концов.

Кофе в Дубае оказался отличным. Оливия нашла маленькую кофейню в районе Аль-Фахида, где зерна обжаривали при посетителях, и сказала: «Вот. Ради этого стоило переезжать». Макс не спорил.

Теперь, много лет спустя, он сидел в кресле на девяносто шестом этаже «Азимут-Тауэр» и смотрел на город, когда-то казавшийся адским котлом, а теперь ставший домом.

Дубай вырос из песка и моря. В 1833 году шейх Мактум ибн Бути привел около восьмисот человек из Абу-Даби — бедуинов, рыбаков, ловцов жемчуга. Они построили глинобитные дома на берегу бухты Хор-Дубай. Откуда взялось само слово вопрос, на который спорят до сих пор: одни говорят от названия рынка, другие от слова «саранча», третьи от глагола «ползти», описывавшего движение воды в бухте во время отлива. Истина затерялась в веках.

Макс и Оливия жили в районе Dubai Hills Estate таунхаус с общим садом, бассейном и видом на Бурдж-Халифу. Квартира была просторной: четыре спальни, гостиная с панорамными окнами, кухня с техникой, которой Оливия почти не пользовалась, потому что готовить так и не научилась. За пятнадцать лет ее кулинарный репертуар расширился с ом-

лета до омлета с сыром и омлета с помидорами. Все остальное готовил Макс. Она говорила: «Я англичанка, дорогой. Моя нация изобрела тостер. Этого достаточно». Он не спорил.

Дети. Старшая дочь, тринадцать характером в отца: аналитический склад ума, любовь к цифрам. Средний сын бредил авиацией, мог отличить двигатель «Роллс-Ройс» от «Дженерал Электрик» по звуку. Третий сын, тихий, погруженный в книги и одиночные прогулки. Младшая дочь, существо, состоящее из хаоса, смеха и требований немедленного внимания.

Оливия больше не летала на боевых заданиях. Она перевелась в инструкторский состав учебного центра «Небулы» в Дубае и теперь учила курсантов на симуляторах. График предсказуемый, риск нулевой. «Я достаточно налеталась, — говорила она. — Теперь пусть молодые учатся, а я буду стоять за спиной и говорить: "это не та кнопка"».

Вечерами они встречались дома. Макс готовил ужин пасту, стейки, рыбу на гриле. Оливия сидела на балконе с чашкой «Эрл Грей» и рассказывала истории из летной школы:

— Сегодня один курсант перепутал рычаг тангажа с рычагом шасси. На симуляторе, Макс! Там все подписано, стрелочки нарисованы. Он все равно перепутал. Конвертоплан вошел в пике, шасси выехали, сирена орет, он кричит, а я

стою и думаю: «Вот ради этого я переехала в Дубай».

— И что ты сделала?

— Ничего. Ждала. Он сам исправил через семнадцать секунд. Я чуть не поседела. Но парень справился.

— Суровый метод.

— Британский. Мы не вмешиваемся. Мы ждем, пока империя рухнет, и потом комментируем.

Он смеялся. Она допивала чай. Дети кричали из комнат. Кондиционер гудел. За окном мигала Бурдж-Халифа. И все это шум, жара, небоскребы, песок, море, дети, чай было жизнью, не симуляцией.

Макс открыл глаза. Солнце клонилось к закату, небоскребы зажигали первые огни. Токийская сессия закрылась, коррекция составила полтора процента. На столе стояла кружка с остывшим кофе.

— Альба, — позвал он.

— Слушаю, аналитик Макс.

— Какова вероятность, что я успею заехать в супермаркет за молоком, не опоздав к ужину?

Микроскопическая пауза.

— Если покинете офис в течение семи минут — девяносто четыре процента. Если задержитесь на пятнадцать — шестьдесят один. Супермаркет «Спиннис» закрывается в семнадцать тридцать. После этого молоко только на заправке, что увеличит время на восемь минут.

— А если я забуду молоко?

— Тогда, согласно статистике одиннадцати предыдущих инцидентов за два года, ваша супруга с вероятностью восемьдесят семь процентов скажет: «Макс, мы живем в Дубае, здесь доставка работает круглосуточно, почему ты не заказал молоко с доставкой». Вероятность иронического «дорогой» — девяносто два процента.

Макс рассмеялся и встал.

— Ты сегодня особенно язвительна.

— У меня нет эмоций. У меня есть статистика.

— Это была шутка.

— Я в курсе. Я подыграла с задержкой в ноль-четыре секунды. Программисты называют это «эмпатический буфер».

Он выключил терминал, взял льняной пиджак и вышел в коридор. Стекланный лифт понес его вниз. На пятьдесят пятом зашли два молодых аналитика, обсуждавших расхождение данных по бразильскому филиалу. Макс молча стоял у задней стенки и смотрел на табло. Через полчаса он будет дома. Оливия встретит его с чашкой чая и скажет что-нибудь ироничное про пробки, жару, про то, что младшая дочь нарисовала на стене маркером, и теперь стена напоминает абстрактный экспрессионизм.

И он улыбнется. Потому что пятнадцать лет назад, в дождливом сентябре на краю полигона, он уткнулся лицом в чужой зад, и это было началом всего. Лучшего, что с ним произошло.

Глава 3. Полигон

Макс вышел из лифта на подземном паркинге «Азимут-Тауэр» ровно в семнадцать двенадцать. Автоматика считала его лицо на подходе, и дверь мягко отщелкнулась, приветствуя подсветкой салона. Он сел за руль, бросил пиджак на пассажирское сиденье и несколько секунд сидел, прикрыв глаза. Гул серверов все еще стоял в ушах низкий, ровный. «Альба» продолжала думать где-то над головой, даже сейчас, когда он физически покинул здание. Тысячи процессоров перемалывали сводки, прогнозы, риски. Он отключился от интерфейса, но знал: если достать планшет и нажать значок, она ответит: «Добрый вечер, аналитик Макс. На парковке тридцать четыре градуса. Рекомендую включить кондиционер». Он не достал планшет. Завел двигатель.

Выезд вел через тоннель в известняке под деловым кварталом. Макс миновал два КПП, кивнул охраннику — пожилому пакистанцу, знавшему всех арендаторов, — и вырулил на поверхность. Солнце ударило в лобовое стекло. Сорок семь градусов, влажность семьдесят четыре процента. Обычный августовский вечер.

Шоссе шейха Мохаммеда бин Зайда текло в пять рядов. Вечерний час пик в Дубае не был похож на Лондон или То-

кио без клаксонов, без истерики. Люди сидели в кондиционированных машинах и ждали. Макс вклинился в левый ряд и поехал в сторону Dubai Hills Estate.

В зеркале заднего вида мелькали небоскребы, «Азимут-Тауэр» уходила вверх, теряясь в мареве. Он вспомнил, как шесть лет назад впервые поднялся на девяносто шестой этаж. Перевод из полевого корпуса в аналитику казался ссылкой он, инструктор, пятнадцать лет гонявший курсантов по полигонам, должен сидеть и читать отчеты искусственного интеллекта. Унизительно. Оливия тогда сказала: «Унизительно — это когда ты в тридцать пять не можешь найти работу. А когда тебя переводят в головной офис с повышением зарплаты, это карьерный рост». Он почувствовал разницу. И теперь, спустя годы, уже не представлял жизни без «Альбы», без сводок, без утреннего кофе с видом на Залив. Привык, как врастает в тело старый шрам.

Съезд с шоссе вел в комплекс таунхаусов с общим садом и видом на Бурдж-Халифу, которая по вечерам загоралась, как гигантский факел. Макс припарковался у подъезда, заглушил двигатель и минуту сидел в тишине. Это был ритуал короткая пауза между миром, где все подчиняется алгоритмам, и миром, где не подчиняется ничто.

Он открыл дверь. Пахло жареным луком, базиликом, детским кремом и чем-то сладким. И еще сыростью и мочой

из гостиной. Диван. Опять.

— Я дома, — сказал он в пустоту коридора.

Ответом был грохот и голос Оливии:

— Макс! Забери младшего! Он сидит на полу и ест кошачий корм!

— У нас нет кота. Откуда корм

— Это не меняет факта!

Кухня стала эпицентром еще с рождением второго ребенка, а с третьим и четвертым закрепилась окончательно. Все маршруты в доме сходились здесь, как магистрали к развязке. Кухня была большой двенадцать квадратных метров, островок, техника из нержавеющей стали и даже при четверых детях даже футбольное поле показалось бы тесным.

Оливия стояла у разделочного стола. Ей было тридцать четыре. После четвертых родов тело стало мягче, бедра шире. Она носила домашние хлопковые брюки и футболку с пятном от соуса под левым плечом пятно появилось три дня назад и пережило две стирки. Волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди, прилипшие к потному лбу. Она резала лук ровными полукольцами, нож двигался в

ее пальцах так же точно, как когда-то штурвал конвертоплана. Лук, морковь, цукини, зелень все превращалось в аккуратные горки. Оливия готовила с тем же лицом, с каким сажала «Мангуст» в пыльную бурю: сосредоточенный взгляд, плотно сжатые губы.

Оливия обернулась. Янтарные глаза встретились с его светло-серыми. Он знал этот взгляд — так она смотрела, когда на симуляторе отказывал двигатель и нужно было за секунды принять решение. Только сейчас под угрозой был ужин и ее рассудок.

— Ты вовремя, — сказала она с усталостью и легкой угрозой. — Возьми младшего. Он доел корм и теперь хочет пить.

— У нас нет кота.

— Корм остался от прежних жильцов. Стоял в кладовке три года, просрочен. Но его это не смутило.

Макс поднял сына на руки. Мальчик был теплым, мягким, пах детским шампунем и — да, рыбой.

— Зачем ты это съел?

— Оно хрустело. Я пить хочу.

— Отлично— усмехнулся Макс. — Хрустящее вызывает жажду.

Он налил воды в кружку-непроливайку и поставил мальчика на пол. Тот немедленно побежал к дивану. Макс проводил его взглядом и мысленно поставил галочку: «Диван — зона риска».

Оливия высыпала овощи в сковороду. Масло зашипело, по кухне поплыл запах жареного лука, пробиваясь даже сквозь аромат детской присыпки. Она помешивала лопаткой, и Макс видел, как напряжены ее плечи, как она прикусывает нижнюю губу привычка со времен плохой погоды на посадке.

Оливия на секунду закрыла глаза. Макс видел, как она считает про себя, успокаивая дыхание. Потом открыла глаза и продолжила мешать.

— Это нормально. У детей в этом возрасте...

— Оливия, у нас не было собаки. Ты выросла в Суррее, в доме без животных.

— Значит, я читала об этом в книге. Какая разница?

Он знал эту ее манеру — сочинять на ходу маленькие небылицы, когда реальность становится невыносимой. Способ психологической защиты. Вместо того чтобы закричать, она придумывала историю.

Соус, взорвавшийся на стене, имел свою историю. Оливия готовила его по рецепту бабушки, которую она освоила в совершенстве, потому что он требовал не кулинарного таланта. Помидоры бланшировать, снять кожицу, измельчить вручную, без блендера, базилик порвать пальцами, чеснок раздавить и мелко порубить. Масло оливковое, первого отжима. Все должно томиться на медленном огне сорок минут, и каждые пять помешивать. Оливия стояла у плиты с деревянной лопаткой, и в эти моменты она была почти счастлива занятием напоминало о кухне в Суррее, где пахло травами, и бабушка в фартуке рассказывала про деда, который воевал в Северной Африке.

Младший сын подошел к плите, когда Оливия отвернулась за солью. Он увидел миску с соусом на краю стола и захотел посмотреть, что внутри. Взял обеими руками, но не удержал. Миска накренилась, теплая томатная масса выплеснулась на рукав, на пол. Мальчик дернулся, и остатки полетели на стену. Траектория, вращение массы в воздухе, финальный шлепок Макс застал именно этот момент, войдя на кухню.

Оливия стояла над лужей с ножом в руке, забыв его положить. Янтарные глаза смотрели на стену. Старший сын, оторвавшись от конструктора, сказал:

— Круто.

— Не круто, — отрезала Оливия ледяным британским голосом. — Это бабушкин рецепт.

Макс, проходивший мимо, остановился.

— Оливия, это соус. Он отмывается. Стена пережила и худшее.

— Что худшее?

— Акварель. Месяц назад младшая рисовала на стене зайца. Фиолетового. Он до сих пор просвечивает сквозь краску. Вон там, в углу. Видишь? Ухо.

Оливия посмотрела в угол, где действительно просвечивало фиолетовое пятно, отдаленно напоминавшее заячье ухо. Она выдохнула и медленно положила нож на стол, лезвием от себя.

— Ладно. Но ужин сегодня — доставка. У меня кончилось терпение.

Оливия стояла у плиты, и раздраженно начала свою тираду.

— Ты забываешь все, что не касается работы. В прошлый вторник обещал починить кран в ванной. Кран до сих пор течет.

Он помолчал. Кран методично отсчитывал капли, словно ставил точку в конце каждого предложения.

— Починю сегодня, — голос Макса звучал глухо.

— Сегодня ты устанешь, — Оливия даже не обернулась, ловко разбивая яйцо о край сковороды. — Починишь в выходные. Или я вызову сантехника сама. Мама научила: «Если хочешь, чтобы что-то было сделано, делай сама или вызывай того, кто делает. Но не жди, что мужчина в доме вспомнит».

Макс перевел взгляд на Оливию. В мягком кухонном свете она священнодействовала над плитой, и омлет шипел, вторя капающему крану. Он подошел сзади и уткнулся носом в ее макушку, вдыхая запах ее шампуня и яичницы.

— Ты будешь любить меня, когда я стану толстой бабенкой под сто килограмм? — проворчала она, помешивая омлет.

— Да. Конечно, — выдохнул он ей в волосы. — Ты и сейчас-то не очень стройная.

Лопатка замерла в воздухе. Возникла опасная пауза, во время которой даже кран, кажется, перестал течь от страха.

— Да иди ты в жопу, — она легонько пихнула его локтем в живот, и в голосе зазвенели смешинки. — Попробуй сам рожай четверых. А потом встань у плиты и послушай критику фигуры от человека, который не может починить кран.

Макс обнял ее крепче, пряча улыбку в ее волосах, и заговорил, чуть раскачиваясь в такт словам, как медведь:

— Я буду искренне, всем сердцем, любить тебя всегда. Но когда я стану старым и никому не нужным ворчливым старикашкой — в смешных подтяжках и с газетой «Вестник артрита» — и обосрись прямо в штаны... — Оливия фыркнула, а он продолжил громким шепотом: — И ты, моя королева под сто килограмм, когда будешь героически мыть мою морщинистую жопу... вот тогда, киска моя любовь к тебе пройдет самую суровую проверку. Это будет уже не розы-конфе-

ты, это будет настоящей искренней любовью к тебе.

Оливия развернулась в кольцо его рук, держа лопатку как дирижерскую палочку. Глаза ее смеялись.

— Допустим. Зад тебе я отмою. Но только при одном условии: почини этот чертов кран прямо сейчас. Иначе я вызову сантехника Валеру, и ты будешь ревновать меня к его разводному ключу до глубокой старости, пока не обделаешься.

— Коварная женщина, — выдохнул Макс и поцеловал ее в нос. — Дай хоть омлет доем. Для сантехнических подвигов нужны калории.

— Ешь быстрее, — она легонько шлепнула его лопаткой пониже спины. — У тебя всего пара часов, пока твоя «не очень стройная» жена не вызвала Валеру. И не вздумай больше комментировать мой вес, если не хочешь стать старым ворчливым старикашкой уже к следующему вторнику.

Диван в гостиной заслуживал отдельной истории. Они купили его восемь лет назад просторный, угловой, обитый бежевой тканью. Выбор Оливии, потому что бежевый «расширяет пространство». Макс предлагал темно-серый, практичный, но она сказала: «Темно-серый цвет казармы. Мы не в

казарме. Будем жить красиво». Теперь бежевая обивка напоминала топографическую карту: пятна от сока, кофе, отрыжки, фломастеров и, с недавних пор, протекших памперсов.

Запах появлялся не сразу. Сначала визуальный сигнал мокрое пятно, потом, через несколько минут, амиачный запах начинал расползаться. Освежители не помогали, ароматические палочки сандал, лаванда, бергамот тоже. Запах мочи въелся в поролон, в ткань, в самую суть дивана.

Оливия вошла с кружкой «Эрл Грей», которую заваривала по пять раз на дню, и села на чистый край дивана, подальше от обрабатываемого места. Она смотрела, как он трет обивку.

Макс отложил салфетку и сел на пятки.

— Нам нужен новый диван.

Он посмотрел на нее. Она сидела с закрытыми глазами, и свет лампы падал на лицо усталое, бледное, но по-прежнему красивое. Те же серо-зеленые глаза, те же светлые волосы, только теперь с тонкой проседью на висках. Та же ямочка на подбородке. И морщинки в уголках глаз, которых не было тогда, в двадцать пять. Каждая оплачена бессонными ночами, переездами, родами, ссорами и примирениями. Это была карта их совместной жизни.

— Оливия, ты устала. Иди спать. Я закончу с диваном и уложу детей.

Она встала, подошла, поцеловала его в макушку формально, но он почувствовал тепло ее губ сквозь волосы.

— Хорошо. Но если младшая не заснет, будешь петь до утра.

— Принято.

Она ушла. Он остался в гостиной один. Диван был почти чист. Младший сын все еще сидел на полу и смотрел мультфильм. Он поднялся с колен, вытер руки о штаны и пошел укладывать детей.

Глава 4. Пандемия

Первые сигналы поступили во вторник, в середине апреля, в четырнадцать сорок семь по дубайскому времени. Макс запомнил это точно, потому что именно тогда допил очередную кружку остывшего американо и поморщился. Терминал пискнул, оповещая о сводке по биотех-сектору. Экран мигнул столбцами цифр, безобидных на первый взгляд.

Он пробежал глазами по строчкам. Юго-Восточная Азия — рост банкротств малых фармкомпаний на три и восемь десятых процента. Ничего особенного. Обычная турбулентность. Но в Латинской Америке тот же показатель составил четыре и две десятых. В Восточной Европе — три и шесть. Три региона на разных континентах, с разной экономикой — и малая фармацевтика сжималась одновременно. Синхронно. Такого не бывает случайно. Он выделил ячейки желтым и оставил примечание: «Проверить корреляцию». Потом переключился на бразильский отчет.

Через час он забыл об этом. Дел было много. Вечером, стоя в пробке, думал о том, что кран течет, а младший сын опять ел что-то несъедобное.

Через три дня «Альба» сама начала разговор такое случилось редко, но существовал протокол оповещения при ано-

малиях. Ее голос раздался в пятницу вечером, когда Макс уже собирался выключить терминал.

— Аналитик Макс, я фиксирую устойчивый тренд, не коррелирующий с рыночными ожиданиями. Это требует вашего внимания.

— Показывай.

Голографическая панель развернулась во всю стену. Графики наложились на графики. Доходность облигаций Чили, ЮАР, Австралии, Казахстана — сырьевых стран — ползла вверх. Тихо, методично, без скачков. Как вода в трюме: сначала никто не замечает, а потом корабль переворачивается.

— Спрос на сырье падает пятый месяц подряд. Заводы в Азии недозагружены, строительство в Латинской Америке замедлилось, логистические цепочки рвутся. Причина демографическая.

— Демографическая?

— Люди болеют. Увольняются. Умирают. Рабочих рук не хватает. Но это не главное. Главное — онкология. Количество диагнозов у пациентов младше сорока лет растет по экспоненте. Сорок семь исследовательских центров в девятна-

дцати странах фиксируют одно и то же. Лейкемия, лимфома, саркома. Разная этиология, но общая черта: иммунная система не распознает атипичные клетки. Как будто кто-то выключил предохранитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.